

Н. И. Ивановская

О.О. ВИЗЕЛЬ И Л.Л. КАПИЦА — ИССЛЕДОВАТЕЛИ СААМОВ РОССИЙСКО-НОРВЕЖСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Этнографические коллекции, собранные О.О. Визелем (1903) и Л.Л. Капицей (1914) по заданию Этнографического отдела Русского музея у саамов российско-норвежского пограничья, занимают особое место в саамском собрании Российского этнографического музея¹. Коллекции, собранные О.О. Визелем, положили начало формированию в музее саамского собрания. Результаты исследований Л.Л. Капицы, проведенные им через 10 лет в тех же пограничных районах Кольского полуострова, в которых осуществлял сборы и О.О. Визель, дополнили и расширили научные знания по этнографии саамского населения этой территории.

О.О. Визеля и Л.Л. Капицу, исследователей разного поколения, объединяет не только общий объект изучения — традиционная культура саамов, но и то обстоятельство, что они были корреспондентами Этнографического отдела Русского музея.

Корреспондентская сеть собирателей коллекций для вновь создаваемого музея, организованная сотрудниками ЭО РМ, охватила практически все регионы Российской империи. В формировании этнографических коллекций принимали участие не только известные ученые, специалисты-этнографы, но и представители широких кругов общественности — люди различного социального статуса, образования, национальности, возраста, характера, с личной мотивацией этнографических исследований и сбора коллекций.

Таким образом, изучение деятельности корреспондентов ЭО РМ по сбору этнографических коллекций не только позволяет оценить их вклад в этнографическую науку, но и открывает новые страницы истории отечественной науки и культуры.

Оскар Оскарович Визель (1864–?) — барон, происходит из немецко-австрийского рода Визель². Его отец, О.Б. Визель, был высокопоставленным царским чиновником. О.О. Визель окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. В дальнейшем он поступил на дипломатическую службу. В 1896–1901 годах служил вице-консулом в Гамбурге (Германия), в 1901–1913 годах — консулом в Хаммерфесте, центре северной провинции Норвегии Финнмарк — территории расселения норвежских саамов. Дальнейшая его служба на дипломатическом поприще проходила в Швейцарии (1913–1916). В 1917 году был назначен генеральным консулом в Неаполь (Италия). После Октябрьской революции 1917 года Визель остался в эмиграции, где занимался политической деятельностью. В 1919 году Визель — член Союза возрождения России в единении с союзниками в Риме. Далее судьба его неизвестна.

Большую часть своей дипломатической службы О.О. Визель провел в Норвегии. Первые годы его деятельности совпали с весьма сложным периодом норвежской истории. В политическом отношении Норвегия в это время стояла на пороге выхода из Шведско-норвежской унии (1903)³. Это требовало усиленной работы русской дипломатии, особенно тех ее представителей, которые работали, как Визель, в Северной Норвегии, где существовали наиболее тесные и исторически обусловленные контакты норвежского и русского населения. Сборники консульских донесений начала XX века содержат доклады Визеля об экономической и общественно-политической ситуации в Северной Норвегии⁴.

Работая в провинции Финнмарк, на территории расселения норвежских саамов, он не мог не соприкоснуться с древней самобытной культурой коренного населения этого региона. Интерес его к гуманитарной сфере нашел воплощение в собранной им в северо-западных районах Кольского полуострова коллекции (колл. № 444, 445; более 100 предметов). В состав коллекции вошли также вещи, полученные в дар от протоиерея церкви Св. Бориса и Глеба на р. Паз Константина Щеколдина. Исследованиями были охвачены Пазрецкий, Печенгский, Нотозерский, Мотовский и Сонгельский погосты⁵.

Здесь необходимо кратко остановиться на характеристике российско-норвежского пограничья как единого этнокультурного пространства⁶. Район российско-норвежского пограничья длительный период времени существовал без демаркации границы. В течение нескольких столетий (до начала XVII века) Кольский полуостров и Финнмарк представляли собой «общий округ», где налоги с саамов взимали как норвежская сторона, так

и российская, привязываясь не к конкретной территории, а к конкретным группам саамов, и в том месте, где они находились в определенный сезон. Полукочевой образ жизни норвежских и русских саамов, мигрировавших на общей территории, никак не способствовал демаркации этой территории между Россией и Норвегией. Граница была проведена только в 1826 году по р. Паз. Основным хозяйственным занятием саамов, живших на этой территории, было морское рыболовство. Зимой саамская территориально-семейная община (сыйт) селилась в зимнем погосте, а летом кочевала с одного рыболовецкого участка на другой. Пограничное соглашение 1826 года сделало Южный Варангер норвежской территорией, и Норвегия вошла в те границы, в которых существует по сей день. Общины нявдемских и пазрецких саамов оказались разрезаны пополам новой границей. Область нявдемских саамов была поделена поперек, так что весенние и летние поселения на побережье отошли к Норвегии, а расположенные в глубине материка осенние и зимние — к Российской империи. Территория пазрецких саамов оказалась разделенной продольно по реке Паз (Пазвик (Пасвик-Эльв)), но и здесь побережье досталось норвежцам. Нявдемские саамы стали норвежскими подданными, а пазрецкие — российскими (рис. 1).

Рис. 1. Карта российско-норвежского пограничья. 1918 год

К 1903 году, когда Визель собирал коллекции с российской стороны границы, традиционный уклад жизни искусственно разделенных саамских общин с обоих берегов р. Паз практически не различался.

В коллекции наиболее широко представлена одежда, кроме того, в ней содержатся следующие категории предметов: домашняя утварь, упряжь, рыболовные принадлежности, кережи, лодка, модели строений. Коллекция саамской одежды (колл. № 444) дифференцируется по половозрастному и сезонному признакам: верхняя одежда мужская и женская, детская и женская обувь, женские, мужские и детские головные уборы, в том числе зимние, шубы и меховые рукавицы. Подавляющее большинство предметов собрано в Пазрецком (зимнем) погосте при посредничестве Константина Щеколдина. На зимних погостах располагались долговременные жилища, где хранилось основное имущество семьи, поэтому собирателю удалось приобрести, опираясь на посредничество уважаемого местными жителями человека, дорогие и красивые вещи домашнего обихода.

Коллекции Визеля имеют большое значение для характеристики одежды, утвари, средств передвижения, в меньшей степени — традиционных хозяйственных занятий. География сбора совпадает с территорией расселения одной из локальных групп кольских саамов и, таким образом, дает возможность выявить некоторые ее особенности.

Теперь обратимся к личности Л.Л. Капицы и его этнографическим исследованиям.

Жизненный путь и судьба Л.Л. Капицы (1892–1938) достаточно типичны для поколения ученых, начавших научную карьеру незадолго до 1917 года — в переломный период российской истории, когда судьбы многих из них складывались весьма драматично.

Он родился в интеллигентной петербургской семье. Его отец, Леонид Петрович Капица, — военный инженер и строитель фортов Кронштадтской крепости. Мать, Ольга Иеронимовна (урожд. Стебницкая), — филолог, специалист в области детского фольклора и литературы⁷. Эта семья подарила миру еще одного ученого — выдающегося физика, Нобелевского лауреата Петра Леонидовича Капицу.

В 1911 году после окончания гимназии Леонид Капица поступил в Санкт-Петербургский университет на естественное отделение физико-математического факультета в группу, в которой готовили географов. В годы обучения в университете он занимался углубленным изучением антропологии и этнографии в семинаре известного ученого Ф.К. Волкова (1847–1918). Волков считал, что главное условие успешной подготовки

специалистов заключается в сочетании теории с практикой. Будущие этнографы приобщались к полевым этнографическим исследованиям в экспедициях в разные уголки многонациональной Российской империи. Студент Капица в 1913–1914 годах был командирован Русским антропологическим обществом в Архангельскую губ. для антропологического и этнографического изучения «великороссов»-поморов и лопарей (саамов). В этой поездке он по поручению Этнографического отдела Русского музея также собирал этнографические коллекции, которые затем сам описывал и регистрировал непосредственно в музее. Его экспедиционный маршрут к кольским саамам пролегал от Кандалакши до Колы, а оттуда — на территорию норвежско-российского пограничья, где за десять лет до него побывал собиратель первой саамской коллекции в собрании РЭМ О.О. Визель.

Капица посетил следующие погосты: Ягельный мох, Пульозеро, Кильдинский, Воронинский, Пазрецкий (летний)⁸. В отличие от Визеля, Капица собирал вещи у саамов без посредников, в связи с этим он испытывал определенные трудности при сборе этнографического материала, определяемые следующими обстоятельствами. Уже в начале XX века у саамов традиционные предметы вытесняются изделиями фабричного производства. Кроме того, территория Лапландии, а особенно Пазрецкий погост, подвергаются в это время значительному наплыву туристов. Об этом же в 1907 году писал и С.И. Сергель, российский исследователь норвежских и финских саамов⁹. Как в зарубежной Лапландии во время поездки Сергеля, так и на Кольском полуострове, по словам Капицы, в глухих, труднодоступных местах саамы отказывались отдавать свои вещи исследователям, объясняя это тем, что «лишаются возможности в скором времени заменить ее новой, и от этого страдает хозяйство»¹⁰. Л.Л. Капице пришлось прибегнуть к меновой форме получения заинтересовавших его предметов. Необходимую вещь он приобретал в обмен на бусы, бисер, ножи.

Весь жизненный уклад западной группы кольских саамов подчинялся потребностям рыболовства, а с осени определялся главным образом занятиями оленеводством. Зима была временем оседлости, с декабря по апрель селились в зимних погостах, расположенных в местах, богатых ягелем, а в летне-осенний период переходили к кочевому быту. Капица в своем отчете писал следующее: «Постоянно приходится наткаться на совершенно безлюдные погосты. Большая часть лопарей отправляется летом на рыбные промыслы и селится небольшими партиями по рекам

и озерам, меньшинство же разбредается по тундре с оленями. Покидая на лето погосты, забирают с собой только самые необходимые предметы. Живут они по 2–3 семейства на очень большом расстоянии, и часто их местопребывание не известно окрестным жителям»¹¹. Коллекция, собранная Капицей в основном в летних погостах, характеризует хозяйственные занятия и быт саамов в дисперсный период функционирования общины (сыйта). В коллекции (№ 3176-36) содержатся предметы домашнего обихода, рыболовные принадлежности, украшения, амулеты. Капица планировал также поездку к йоканьгским саамам (восточная группа кольских саамов), которые, как он считал, в большей степени сохранили этнические особенности, но начавшаяся Первая мировая война не позволила осуществиться этим планам. Капица, как военнообязанный, должен был уехать в Петербург.

Таким образом, успешная учеба в университете была прервана Первой мировой войной — четыре года он служил в студенческой санитарной организации, занимаясь эвакуацией раненых. В тяжелые послереволюционные годы Капица был зачислен в Северную научно-промышленную экспедиции ВСНХ, где работал в качестве специалиста по оленеводству. Он смог восстановиться в университете и окончить его только в 1923 году.

В 1921 году Л.Л. Капица вновь становится сотрудником ЭО РМ (в 1916–1917 годах он работал в музее регистратором). В Архиве РЭМ сохранился интересный документ той суровой эпохи — ходатайство в пайковую комиссию за подписью С.И. Руденко о сохранении Капице академического пайка. Там же дается характеристика деловых качеств Л.Л. Капицы: «Привезенные им предметы быта и фотографии, а также рукописный материал свидетельствуют о вдумчивом отношении к делу, умении собирать и научно обрабатывать материал, благодаря чему он является ценным музейным сотрудником с данными для научной работы»¹².

Поступив на работу в ЭО РМ, вплоть до начала 1931 года Л.Л. Капица активно занимался этнографическими исследованиями. Это было время организации широкомасштабных комплексных экспедиций. Интенсивное изучение Северо-Западного региона связано с деятельностью талантливого ученого, известного антрополога и этнолога профессора Давида Алексеевича Золотарева (1885–1935)¹³. Ему принадлежит заслуга организации крупнейших этнологических экспедиций, в которых начинали свой путь в этнографической науке многие молодые исследователи. Одним из них был и Л.Л. Капица. Именно в эти годы происходит его становление как специалиста-финно-угроведа.

Так, в 1921 году он совершил экспедицию в Кемский уезд Архангельской обл., изучая быт и культуру карел; в 1925 году вновь работал в Архангельской обл., собрав коллекции по «великороссам»-поморам, в 1926 году участвовал в Верхнепечорской экспедиции, одним из итогов которой стала еще одна разнообразная по составу коллекция предметов быта и материальной культуры коми-зырян; в 1927 году совершает поездку в Ухтинский район Карелии. За годы экспедиционной работы им были приобретены уникальные коллекции по культуре русских (поморов), карел, саамов и коми.

Кроме того, он сдал в музей прекрасную коллекцию фотографий, которые зафиксировали многие архаичные стороны бытовой культуры этих народов (более 500 номеров). В это время, по всей вероятности, Л.Л. Капица начал снимать научные этнографические фильмы, но мы пока располагаем только косвенными свидетельствами, которые доказывали бы этот род его деятельности¹⁴.

Успешно развивающаяся научная карьера прервалась в 1931 году, когда в связи с разгромом этнографической науки, произошедшим в начале 1930-х годов¹⁵, Л.Л. Капица был уволен из музея, как и многие другие сотрудники Этнографического отдела РМ. На смену этнографам старой школы, многие из которых были учениками Ф.К. Волкова, пришло поколение молодых специалистов, подготовленных уже в советских учебных заведениях.

В последующем, вплоть до своей смерти в 1938 году, Л.Л. Капица работал режиссером в Ленинградской киностудии научно-популярных фильмов¹⁶.

Научное наследие Л.Л. Капицы включает уникальные этнографические вещевые и фотоколлекции, собранные им в 10–20-е годы XX века у финно-угорских народов Европейского Севера — карел, саамов и коми на территории Кольского полуострова, Карелии и Республики Коми, а также у русского поморского населения Русского Севера. Вещевые материалы из его коллекций, так же как и фотографии, широко представлены на экспозициях и выставках РЭМ (рис. 2), используются учеными в качестве источника для осуществления этнографических исследований.

В целом, саамские коллекции О.О. Визеля и Л.Л. Капицы представляют собой ценную научную базу для изучения особенностей локальных групп кольских саамов — западной и северо-западной. Взятые совокупно, коллекции О.О. Визеля, Л.Л. Капицы и С.И. Сергеля, исследователя норвежских и финских саамов¹⁷, зафиксировали ситуацию, когда разделенный государственной границей саамский мир Кольского п-ва и Фенноскандии еще представлял собой единое этнокультурное пространство.

Рис. 2. Сцена «Люди тундры» на экспозиции «Народы Северо-Запада России и Прибалтики. XVIII–XX века». Российский этнографический музей. Предметы из саамских коллекций О.О. Визеля, Л.Л. Капицы, С.И. Сергеля

* * *

¹ Куропятник М.С. Коллекции по этнографии саамов // Материалы по этнографии. СПб., 2004. Т. II: Народы Прибалтики, Северо-Запада, Среднего Поволжья и Приуралья. С. 136–141.

² Талалай М. Оскар Визель: дипломат и пионер этнографии кольских саамов // Всероссийская научно-практическая конференция «VIII Трифоновские чтения» (17–18 октября 2011 года). Мурманск, 2012. С. 75–78.

³ Нильсен Й.П. Образ России в Норвегии времени шведско-норвежской унии // Россия–Норвегия: сквозь века и границы: каталог. М., 2004. С. 93–96.

⁴ Давыдов Р.А. Народные волнения в Северной Норвегии, слухи о русской угрозе и массовой измене норвежцев в пользу России (по донесениям русского консула О. Визеля летом 1903 года) // Скандинавские чтения 2010. СПб., 2012. С. 332–346.

⁵ Архив Российского этнографического музея. Ф. 1. Оп. 2. Д. 69. Л. 6–8 об.

⁶ Парели Л. Саамы — коренные жители пограничья // Россия–Норвегия: сквозь века и границы: каталог. М., 2004. С. 59–61; Куропятник М. Саамы на Кольском

полуострове // Там же. С. 62–63; Линкола М. Образование различных этноэкологических групп саамов // Финно-угорский сборник. Л., 1982. С. 48–57.

⁷ Архив РМ. Оп. 10. Д. 187. Л. 73–73 об. Личное дело. Капица Леонид Леонидович; Центральный государственный исторический архив СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 57799. Л. 28. Дело Императорского С.-Петербургского университета. Леонида Леонидовича Капица.

⁸ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 312. 29 л. Переписка с Л.Л. Капицей о собирании этнографических материалов у поморов, лопарей и карел Архангельской губернии: описи материалов. 1906–1916 гг.

⁹ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 566. Л. 38, 39 об. Переписка с С.И. Сергелем, студентом Санкт-Петербургского университета, командированным для собирания этнографического материала у зырян Архангельской и Вологодской губ. и у лопарского населения Скандинавского полуострова и Финляндии.

¹⁰ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 312. Л. 7–17.

¹¹ Там же. Л. 11.

¹² Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 313. Л. 6. Переписка с Л.Л. Капицей о собирании этнографических материалов по карелам, зырянам и другим народам Севера; описи материалов и отчеты о заграничной командировке. 1917–1929 годы.

¹³ Шангина И.И. Д.А. Золотарев и его деятельность в Этнографическом музее // Промыслы и ремесла народов СССР. Л., 1986. С. 170–177; Королькова Л.В. Сподвижники Давида Алексеевича Золотарева: люди и судьбы // Традиционное хозяйство в системе культуры этноса: материалы Девятых Санкт-Петербургских чтений. СПб., 2010. С. 16–27.

¹⁴ URL: <http://www.rudata.ru/wiki/1938>.

¹⁵ Итоги Всероссийского археолого-этнографического совещания // СЭ. 1932. № 3–4. С. 3–14.

¹⁶ Полную биографию Л.Л. Капицы см.: Ивановская Н.И. Этнограф Л.Л. Капица: экзистенция личной судьбы // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада–3. Шестые Шегреневские чтения. (В печати.)

¹⁷ Ивановская Н.И. С.И. Сергель — исследователь традиционной культуры саамов Норвегии и Финляндии // Скандинавские чтения 2010 года. СПб., 2012. С. 647–664.